

Н.С. Жукова

ГЛАГОЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Томский государственный педагогический университет

Любая единица языковой системы взаимодействует как с единицами своего уровня, так и с единицами других уровней. Применительно к словоформам следует отметить, что они вступают во взаимоотношения как с единицами своего, морфологического уровня, так и с единицами синтаксического и лексического уровней. Грамматические категории также вступают в определенные отношения, взаимодействуют друг с другом. Как отмечает А.В. Бондарко, грамматические категории в системе языка (как в его современном состоянии, так и в его развитии) выступают не изолированно, а в составе своего рода блоков, категориальных комплексов. При явно выраженных взаимных связях грамматических категорий, входящих в такие группировки, эти поликатегориальные единства представляют собой особого рода системы, имеющие свою *структуру*, элементами которой являются отдельные категории и отношения между ними [1, с. 88].

Представляется, что эта «особого рода» система должна рассматриваться конкретно-исторически, так как ее элементы (грамматические категории) есть исторически изменяющиеся категории. «Значение форм той или иной грамматической категории и ее состав не остаются неизменными» [2, с. 26], а следовательно, не остаются без изменения и отношения между категориями.

В отношении синхронного состояния глагольной системы современного немецкого языка правомерно говорить об иерархических отношениях между категориями. В этой связи представляется возможным использование явления синкретизма¹ в морфологических категориях как одного из критериев при установлении их иерархии.

Среди лингвистов нет единства мнений относительно состава морфологических категорий и их членения в современном немецком языке. В этой связи следует отметить, что автор данной статьи разделяет точку зрения Л.С. Ермолаевой, согласно которой категория наклонения в современном немецком языке представлена двумя наклонениями: наклонением реальности – «реалис» и наклоне-

нием ирреальности – «ирреалис». Реалис образуют три компонента: индикатив, субъюнктив (конъюнктив косвенной речи по традиционной терминологии) и императив [4]. Индикатив и императив противостоят друг другу по своей соотносительности с предложениями с различной целеустановкой и образуют категорию волеизъявления/неволеизъявления [5]. Субъюнктив и комментатив, и индикатив противопоставлены по признаку вида речи (прямая/косвенная речь) и образуют морфологическую категорию вида речи (подробно см. [6])². Формы субъюнктива (комментатива), так же как и формы категории волеизъявления (по традиционной терминологии формы императива), входят в состав сложного синтаксического маркера и в составе этого сложного синтаксического маркера³ служат для выражения значений соответствующих синтаксических категорий, для выражения значений косвенности и побуждения.

Как показал анализ грамматических категорий, не все граммы глагола сочетаются одна с другой в конкретной форме. Так, например, во множественном числе во всех временах и наклонениях не выражается первое и третье лицо, а выражается второе лицо, ср. (wir, sie) loben, werden loben, haben gelobt и т.д., в то время как в единственном числе первое и третье лицо выражены. Граммема множественного числа глагола не сочетается в современном немецком языке с граммеммами первого и третьего лица. Подобное сочетание имеет место в единственном числе в презенце (ich) lobe, (er) lobt, перфекте habe gelobt, hat gelobt, футуруме I werde loben, wird loben. Однако в претерите (ich, er) lobt, плюсквамперфекте (ich, er) hatte gelobt первое и третье лицо единственного числа не выражено. Аналогично противопоставление между первым и третьим лицом единственного числа не выражено во всех временах ирреалиса и субъюнктива, т.е. граммема претерита и плюсквамперфекта индикатива, а также субъюнктива и ирреалиса в сочетании с граммемой единственного числа не совместима с граммемой первого и третьего лица. Таким образом, выражение

¹ «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различия соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития» [3, с. 39].

² Об остальных категориях глагола в современном немецком языке см. [7, с. 13–14].

³ О сложном синтаксическом маркере в современном немецком языке см. [8, с. 59].

категории лица зависит от категории наклонения, вида речи, числа и времени. Так, например, в реалисе (индикативе) выражено шесть граммем времени: презенс (*lobe*), претерит (*lobte*), перфект (*habe gelobt*), плюсквамперфект (*hatte gelobt*), футурум I (*werde loben*) и футурум II (*werde gelobt haben*), в ирреалисе – только две граммемы: граммема не прошедшего (*lobte ~ würde loben*) и граммема прошедшего (*hätte gelobt ~ würde gelobt haben*).

Следовательно, когда противопоставление в какой-либо категории не выражено (например, противопоставление «настоящее/будущее» в ирреалисе), наблюдается отсутствие соответствующих самостоятельных граммем, которые характерны для другой части системы (например, для реалиса). Именно присутствие граммемы ирреалиса делает невозможным наличие самостоятельных граммем настоящего и будущего. В данном случае имеет место синкретичная форма, представляющая собой укрупненную граммему не прошедшего, именно с этой граммемой и сочетается граммема ирреалиса. Тогда синкретичная форма показывает, что выраженность (или степень детализации) определенного грамматического значения зависит от другой категории, так как в одном случае имеет место противопоставленность граммем, например: настоящее/будущее (*lobe/werde loben* – две граммемы), а в другом – нет, например: не прошедшее (*lobte ~ würde loben* – одна граммема).

Таким образом, явление синкретизма в морфологической категории может служить одним из показателей зависимости категорий. Так, категория наклонения не имеет синкретичных форм. Это значит, что обе граммемы наклонения (реалис/ирреалис) выражены в обоих залогах: в активе и пассиве, в любом времени, числе, лице, т.е. данное противопоставление не ограничивается никакими другими категориями. Согласно мнению А.В. Бондарко об актуализационных функциях основной из них следует признать ту, которая занимает наиболее независимое положение и оказывает наибольшее влияние на другие функции. Этот вопрос, очевидно, нужно решать в зависимости от соотношения актуализационных функций в каждом конкретном языке [9, с. 58]. Тогда, учитывая процент выраженности той или иной морфологической категории, которая в свою очередь зависит от наличия синкретичных форм в категории, будем иметь следующую картину иерархии¹ категорий глагола в современном немецком языке (рис. 1).

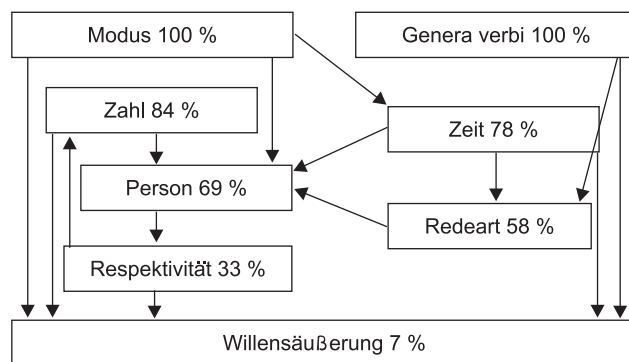

Рис. 1.

Подсчет морфологической выраженности значений по категориям в процентах производился следующим образом:

Выраженное в категории противопоставление принималось за 100 %, а отсутствие противопоставленности соответствующих значений в микропарадигме (синкретизм) – за 0 %. Рассмотрим, например, категорию лица.

	Реалис, актив, презенс	
ед. число	первое/второе <i>lobe/lobst</i>	-100 %
	первое/третье <i>lobe/lobt</i>	-100 %
	второе/третье <i>lobst/lobt</i>	-100 %
мн. число	первое/второе <i>loben/lobt</i>	-100 %
	первое/третье <i>loben</i> невторое лицо	-0 %
	и т.д.	

Так была просчитана противопоставленность по лицу в единственном и множественном числе во всех временах, в обоих залогах и наклонениях (в системе реалиса, также в субъюнктиве и императиве). Затем было подсчитано среднее арифметическое.

Зависимыми категориями в современном немецком языке являются все категории глагола, кроме категории залога и наклонения.

Категория числа (84 %) зависит от категории респективности/ареспективности². Последняя снижает процент морфологической выраженности категории числа. Так, например, вежливая форма *loben* (*Sie*) синкретична в отношении числа и употребляется как в единственном, так и во множественном числе.

Категория времени (78 %) зависит только от категории наклонения. В реалисе, где имеется развитая временная система, все временные противопоставления морфологически маркированы. Указанный процент объясняется тем, что в системе ирреалиса форма не прошедшего времени (*lobte ~ würde loben*)

¹ Иерархия грамматических категорий представляет собой синхронно-статический показатель продуктивности. Так первая (иерархия) показывает степень зависимости категорий друг от друга на синхронном срезе, а вторая (продуктивность) дает возможность определить перспективу развития и внести тем самым «элемент движения» в синхронное описание языковой системы. О продуктивности морфологических категорий глагола в современном немецком языке см. [7].

² О выделении категории респективности/ареспективности см. [10].

синкретична в отношении будущего, настоящего и одновременности. Синкретичные формы прошедшего (*hätte gelobt ~ würde gelobt haben*) объединяют граммемы предшествования в настоящем, прошедшем и будущем (относительное употребление), так как в реалисе в аналогичной функции употребляются перфект (*habe gelobt*), плюсквамперфект (*hatte gelobt*) и футурум II (*werde gelobt haben*).

Морфологическая выраженность категории лица, о синкретичных формах которой речь шла выше, составляет 69 %.

Категория вида речи (58 %) зависит от категорий залога, времени и числа. Например, в активе в настоящем и прошедшем времени (перфекте) во втором лице множественного числа субъюнктив четко противопоставлен форме индикатива (*ihr lobet/lobt*), а в будущем времени в активе (*werdet loben*) и в настоящем и будущем времени в пассиве (*werdet gelobt, werdet gelobt werden*) форма второго лица множественного числа нейтральна в отношении косвенности и является синкретичной формой. Она может употребляться в синтаксических конструкциях, оформляющих как косвенное, так и некосвенное высказывание. Ср., например, в единственном числе будущего времени форма субъюнктива противопоставлена форме индикатива, а во множественном числе соответствующая форма реалиса является синкретичной.

(du) wirst loben / werdest loben

(ihr) werdet loben

Значение категории респективности/ареспективности («вежливости/невежливости») выражается морфологически только во втором лице единственного и множественного числа.

Ср.: *Невежливость* *Вежливость*
ед. ч. (du) lobst Loben (Sie)
мн. ч. (ihr) lobt

Остальные формы синкретичны в отношении вежливости/невежливости. Это объясняет 33 % морфологической выраженности у этой категории.

Примерно 7 % морфологической выраженности имеет категория волеизъявления/неволеизъявления. Она представлена двумя формами второго и третьего лица реалиса (индикативом и императивом).

	<i>Неволеизъявление</i>		<i>Волеизъявление</i>
ед. ч.	2 лицо (du) <u>lobst</u>	/	lob!
	3 лицо (er) <u>lobt</u>	/	lobe (er)

Остальные формы реалиса презенса актива и ирреалиса синкретичны в отношении волеизъявления и могут выражать как волеизъявление (*Käme bald der Frühling!*), так и неволеизъявление.

Независимыми от других категорий в современном немецком языке являются категории залога и наклонения. Обе категории не имеют синкретичных форм и характеризуются, соответственно, стопроцентной морфологической выраженностью всех противопоставлений, свойственных данным категориям, что свидетельствует о симметрии данных категорий, об их устойчивости и стабильности. Как уже отмечалось выше, иерархия грамматических категорий может рассматриваться как синхронно-статистический показатель их продуктивности¹. Очевидно, что более продуктивные категории, являясь более устойчивыми и стабильными, играют большую роль в языковой системе, так как они меньше дублируются средствами других уровней. Наименьшая продуктивность категорий, их периферийный характер говорят об ослаблении позиции соответствующих категорий в системе языка.

Категории наклонения посвящен целый ряд работ, объясняющих ее статус в глагольной подсистеме с позиции продуктивности категорий и общей тенденции развития всей системы немецкого языка [4; 7; 11]. Категория залога с таких позиций не рассматривалась, поэтому в данной статье будет уделено больше внимания объяснению центральной роли категории залога в глагольной подсистеме современного немецкого языка.

Иерархия грамматических категорий не является постоянной. Для каждого периода развития языковой системы характерны свой набор и состав морфологических категорий и определенные отношения между ними. Для понимания отношений между глагольными категориями современного немецкого языка и объяснения их системного статуса на синхронном срезе необходимо рассмотреть глагольную подсистему немецкого языка в развитии, т.е. с позиций принципа историзма, согласно которому «...необходимо все время иметь в виду историческую перспективу – как в отношении предшествующих периодов развития <...>, так и в отношении тенденций <...> последующего развития» [12, с. 22)].

Исходной моделью сопоставления современных германских языков с предшествующими периодами развития является готская модель как единственная из всех древних германских языков сохранившаяся в письменном виде. Использование яв-

¹ Продуктивными звеньями той или иной микросистемы на определенном этапе ее развития считаются такие категории, которые получают в рамках данной микросистемы последовательное выражение и не дублируются средствами какой-либо другой микросистемы. Применительно к морфологической подсистеме можно заключить, что продуктивными являются те морфологические категории, которым в языковой системе принадлежит ведущая роль в выражении соответствующей семантики (по сравнению с лексическими и синтаксическими средствами).

ления синкретизма как показателя зависимости категорий дает возможность получить следующую иерархическую систему глагольных категорий в готском языке (рис. 2.).

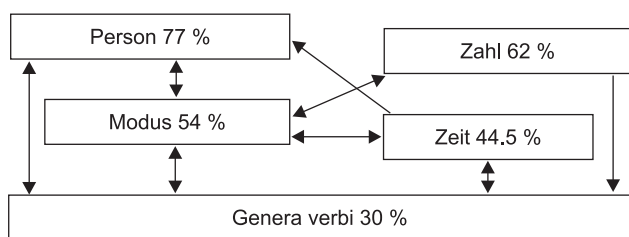

Рис. 2.

Независимых категорий со стопроцентной морфологической выраженностью в готском языке не было. Категории наклонения и залога зависели от ряда категорий.

Категорию залога в готском языке образует двучленная оппозиция: актив/медиопассив, которая является асимметричной, так как актив имеет две временные формы (презенс и претерит) и полную модальную парадигму (индикатив/оптатив/императив), а его противочлен медиопассив – только форму презенса и два наклонения: индикатив и оптатив. Категория залога в готском языке зависит от категорий лица, числа, времени и наклонения. Наличие синкретичных форм в составе категории залога в готском языке говорит об асимметрии ее парадигмы и отражает изменения, которыми она охвачена. Периферийное положение категории залога в глагольной подсистеме является показателем ее преобразования в плане перспективы развития или свидетельствует об отмирании данной категории.

Дальнейшее развитие истории показало, что медиопассив, относящийся в готском языке к периферии системы, полностью вымирает уже к древневерхнемецкому периоду.

Ср. картину иерархии морфологических категорий глагола в древневерхнемецком языке (рис. 3.).

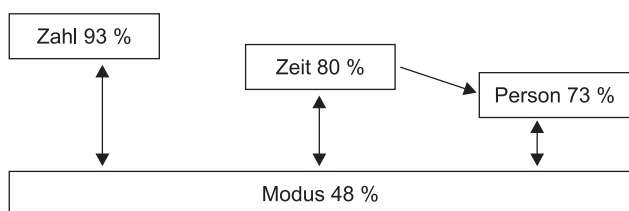

Рис. 3.

В древневерхнемецком период еще нет категории залога, так как пассив как противочлен актива еще не сложился, что в свою очередь обусловлено недостаточным развитием соответствующих синтаксических средств, необходимых для оформ-

ления категории залога как морфолого-синтаксической категории.

Конструкции с *wesan*, которые часто встречаются в древних памятниках, представляют собой, как правило, предикативное употребление партиципа в функции определения со значением состояния как результата какого-либо действия. Например, *dhiu chiholan ist...joh ...giborgan* (Is. II, 15) «Weisheit ist verschlossen und verborgen». Даже если эти конструкции обозначали действие, направленное на субъект, они все равно не могли быть противопоставлены активу как члены одной оппозиции, так как были еще не морфологизованы, т.е. пассив был еще в стадии становления.

В древневерхнемецком языке можно выделить категории числа, лица, времени и наклонения. В отличие от современного немецкого языка категория наклонения зависела от категорий времени, числа и лица. В категории наклонения в древневерхнемецком период происходили значительные изменения, что выражалось в существовании наряду с четырехчленной оппозицией индикатив/субъюнктив/императив/ирреалис редуцированных оппозиций (двух- и трехчленной). Например, индикатив/ирреалис (*machōt/ machōtīt*), индикатив/ирреалис/императив (*machōs/machōtīs/macho*), индикатив/ирреалис/субъюнктив (*ziohet/zugit/ziohēt*) [4, с. 36].

Категория лица уже в этот период зависела от категорий времени, наклонения и числа, что отражало наметившийся процесс свертывания оппозиции по лицу, который наблюдается и в последующие периоды языкового развития. Однако морфологическая выраженность этой категории была выше, чем в современном немецком языке. Например, в современном немецком языке во множественном числе в презенсе и претерите индикатива второму лицу противостоит синкретичная форма невторого лица. Ср.: (*ihr*) *teilt/teilen* (*wir, sie*).

В древневерхнемецком языке во множественном числе существовали формы первого и третьего лица презенса *teil-e-mēs /teil-e-nt* и претерита *teil-t-um /teil-t-un* (аналогично в претерите ирреалиса *teil-t-îm/teil-t-în*), т.е. противопоставление между первым и вторым лицом было выражено на уровне морфологии.

Ср.: древневерхнемецкий *teil-e-mēs /teil-e-nt*

современный немецкий *teilen* (*wir, sie*)

В средневерхнемецком период заканчивается процесс грамматикализации пассива. Это в свою очередь связано с тем, что именно в данный исторический период развиваются синтаксические средства, участвующие в организации плана выражения категории залога, а именно: двусоставность предложения (выражение субъекта становится обязательным), твердый порядок слов (фиксированная

позиция сказуемого), необходимые для оформления агенса в пассивном предложении предлоги. Указанные синтаксические средства развивались параллельно с процессом становления категории залога, так как без них невозможно было бы появление данной категории морфолого-синтаксического характера.

Таким образом, в средневерхненемецком языке существует уже оппозиция актив/пассив. Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева считают, что в этот период пассив имеет полную временную парадигму [13, с. 174]. Автор данной статьи придерживается представленной и в отечественной, и в зарубежной германистике точки зрения, согласно которой пассив в рассматриваемый период не имел аналитических форм перфекта, плюсквамперфекта и конъюнктива, поэтому степень морфологической выраженности категории залога составляла в средневерхненемецком языке 33 % (рис. 4).

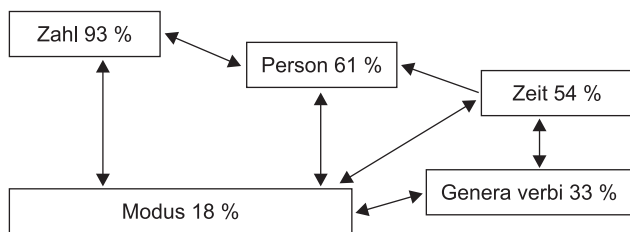

Рис. 4.

В этот период исторического развития немецкого языка складываются пассивные формы перфекта и плюсквамперфекта (подробно см., например, [14]), однако рассматривать соответствующие конструкции как окончательно грамматикализованные в данный период было бы неправомерно. Удаленность данной категории от центра глагольной системы и асимметричный характер ее парадигмы подтверждают целесообразность такого подхода, так как свидетельствуют о «неразвернутости» категории залога и тем самым характеризуют ее как находящуюся в стадии становления.

Периферийное положение категории наклонения в глагольной подсистеме средневерхненемецкого языка объясняется незаконченным еще процессом перестройки данной категории, который начался в предшествующие периоды исторического развития немецкого языка.

Грамматикализация перфекта и плюсквамперфекта пассива завершается в ранненоверхненемецкий период параллельно с завершением развития соответствующих синтаксических средств. К этому времени заканчиваются преобразования и в категории наклонений (рис. 5).

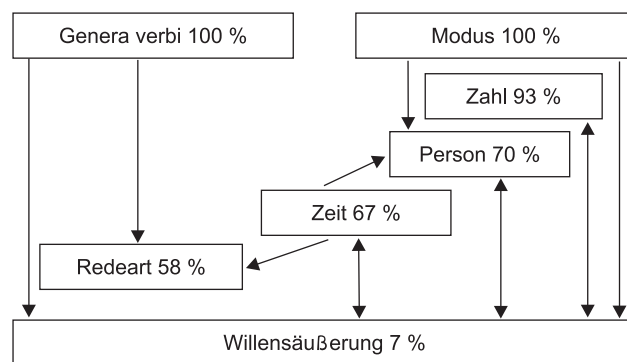

Рис. 5.

Картина иерархии глагольных категорий в ранненоверхненемецкий период показывает, что пассив имеет полную парадигму и свидетельствует о завершении процесса становления категории залога, парадигма которой является симметричной, т.е. характеризуется отсутствием синкретичных форм и, следовательно, 100 % морфологической выраженностью. В ранненоверхненемецкий период категории залога и наклонения занимают ведущее и центральное положение в глагольной подсистеме немецкого языка, которое они сохраняют и в современном немецком языке.

В отличие от других глагольных категорий, которые в процессе развития немецкого языка меняли свой статус и постепенно передавали свои функции от морфологических средств к синтаксическим по мере становления в системе языка соответствующих синтаксических категорий (например, категории лица, числа (см. [10]), категории волеизъявления/неволеизъявления, вида речи (см. [5, 6])¹, выражение соответствующих значений категории залога с момента ее становления осуществлялось через непосредственное взаимодействие морфологических средств с синтаксическими.

Сопоставительный анализ грамматической системы немецкого языка в различные периоды его развития показал, что процесс становления категории залога шел параллельно с развитием синтаксической структуры предложения, так как категория залога с самого начала складывалась как синтаксико-морфологическая категория. «Морфологическая ее сторона заключается в том, что форма отдельно взятого глагольного слова <...> предопределяет <...> возможность образования обоих залогов <...>. Синтаксическая сторона рассматриваемой оппозиции заключается в том, что актив и пассив представлены и выражены не только в формах глагола, но и за его пределами – в соотношении глагола-сказуемого с подлежащим и дополнением. По существу речь идет об активной и пассивной конструкциях,

¹ Ср. категория времени в сфере ирреальности, которая сформировалась позднее, чем аналогичная морфологическая категория в сфере реальности, и является в отличие от последней синтаксической категорией [15].

об активном и пассивном оборотах, где глагол – лишь один из участников выражения залоговых отношений» [16, с. 28].

Как показал проведенный сравнительно-сопоставительный анализ глагольной подсистемы немецкого языка в различные периоды его развития, иерархическая зависимость категорий является своего рода показателем процесса перестройки самих категорий, в ходе которого морфологические категории меняют свой статус, что отражается в изменении иерархической зависимости между категориями. Как отмечается в работах по типологии, для типологической характеристики языка важно не только, какие грамматические значения выражаются категориально, но важна и детализация, и иерархия грамматических категорий [17].

Тогда синкретизм, выступая одним из показателей зависимости категорий и их иерархии, является в свою очередь одной из типологических характеристик языка. Явление синкретизма, как и саму иерархию категорий, следует отнести к параметрам не только внутриуровневой, но межуровневой типологии, так как они «отражают» отношения между уровнями языковой системы. Ведь зависимые категории, не обладающие стопроцентной морфологической выраженностью, свидетельствуют о том, что соответствующие значения выражаются в данной языковой системе средствами других уровней языка, т.е. иерархия категорий в известной степени показывает характер «распределения» понятийного содержания между уровнями языковой системы.

Литература

1. Бондарко А.В. Диахронические аспекты взаимодействия уровней языка // Тезисы докладов II Всесоюзной научной конференции по вопросам языкознания. Диалектика развития языка. М., 1980.
2. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
3. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
4. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1978.
5. Жукова Н.С. О статусе императива в системе современного немецкого языка // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. Т. 2. Вып. 1.
6. Жукова Н.С. О статусе конъюнктива косвенной речи в современном немецком языке // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: Мат-лы Междунар. конф. Томск, 1997. Ч. 2.
7. Жукова Н.С. Продуктивные и непродуктивные звенья в глагольной парадигме современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
8. Ермолаева Л.С., Сабанеева М.К. К проблеме морфосинтаксиса // Вопр. языкознания. 1986. № 6.
9. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
10. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.
11. Волкова Л.Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке (парадигма реальности): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.
12. Десницкая А.В. Об историзме в трактовке элементов структуры слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М., 1963.
13. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая морфология немецкого языка. М.–Л., 1968.
14. Гухман М.М. Типология развития залоговых оппозиций // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
15. Жукова Н.С. Межуровневый аспект темпоральной семантики форм ирреалиса в современном немецком языке // Вопросы лексической и грамматической типологии. Проблемы преподавания иностранных языков в высшей и средней школе: Мат-лы XXI Междунар. конф., посвященной памяти А.П. Дульзона. Томск, 1998. Ч. 2.
16. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопр. языкознания. 1972. № 3.
17. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). М., 1975.